

Анна Данилова

Желтые перчатки

«И страсть, и любовь,
и похоть — все это
прекрасно. Это все едино.
Если это не так, то я ничего
не понимаю...»

Анна Данилова

**Желтые перчатки. «И страсть,
и любовь, и похоть – все
это прекрасно. Это все
едино. Если это не так, то
я ничего не понимаю...»**

«Издательские решения»

Данилова А.

Желтые перчатки. «И страсть, и любовь, и похоть – все это прекрасно. Это все едино. Если это не так, то я ничего не понимаю...» / А. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833621-8

Вот возьму иголку с ниткой и сошью себе любовь...История любви молоденькой провинциалки Валентины, ее парижские дни и ночи...

ISBN 978-5-44-833621-8

© Данилова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Желтые перчатки
**«И страсть, и любовь, и похоть – все
это прекрасно. Это все едино. Если
это не так, то я ничего не понимаю...»**
Анна Данилова

© Анна Данилова, 2016

© Анна Данилова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-3621-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Маленькие изящные ножнички упали как раз в тот момент, когда работа была практически закончена: с двух женских костюмов фирмы «Кристиан Диор» были срезаны фирменные шелковые нашивки с золотой вышивкой. Продавщица, проходившая в это самое время мимо примерочной, остановилась и с удивлением уставилась на ножницы. И когда из-под тяжелой красной бархатной занавески показалась чья-то рука, пытавшаяся дотянуться до них, решительно ворвалась в примерочную и чуть не сбила с ног девушку.

– Зачем это вам понадобились ножницы? – спросила продавщица, с интересом разглядывая висевшие на плечиках костюмы – черный и красный. – Что вы молчите? – У девушки пылали щеки, дрожащими руками она натягивала по инерции перчатки ярко-желтого цвета, которые прекрасно гармонировали с отлично сшитым черным костюмом из кашемира.

Опытный глаз профессионала сразу же оценил дорогие туфли из нубука и великолепной кожи сумочку цвета лимонной кожуры.

Однако что-то здесь было не так.

– Вы выбрали себе костюм? – уже более мягко спросила продавщица, поскольку в то же время ей не хотелось потерять потенциальную покупательницу.

И тут ее взгляд упал на воротник одного из костюмов – на нем торчали нитки от свежеспоротой нашивки. Все еще не веря в свою догадку, она повернула к себе другой костюм...

– Наташа! Вызови срочно милицию! Эта девица отрезала этикетки... Она же сумасшедшая! Кто же теперь купит эти костюмы?

Полупустой салон «Кристиан Диор» словно проснулся. Сонные, уставшие к концу рабочего дня продавщицы обступили девушку.

Они мысленно прикидывали стоимость одежды, в которую она была одета, и никто не мог взять в толк, зачем понадобилось такой роскошно одетой особе срезать какие-то нашивки, хоть они и диоровские.

У Валентины закружилась голова. Она первый раз за все эти годы так влипла.

Инстинкт самосохранения придал ей силы, и она, вдруг резко оттолкнув от себя тяжело дышащую продавщицу, ту самую, которая и «застукала» ее, бросилась к выходу. Спасительная прозрачная дверь, за которой, как в аквариуме, плавали разноцветные, с мутными огнями, автомобили, была совсем рядом, когда она налетела на неизвестно откуда взявшегося мужчину. Она так сильно столкнулась с ним, что с бедного парня слетели его, должно быть, очень дорогие очки. Так всегда бывает: в самую решающую минуту твоей жизни в голову лезут такие вот мелочи, как стоимость разбитых очков.

– Послушайте, я за все заплачу, только помогите мне выбраться отсюда! – взмолилась Валентина, чувствуя, что теряет силы.

Через четверть часа они выходили вдвоем из магазина, унося огромный пакет с двумя французскими костюмами – черным и красным.

Инцидент был исчерпан: восемьсот долларов сделали свое дело.

На мужчину, отдавшего незнакомой авантюристке такие бешеные деньги, смотрели как на гриновского принца. Валентина же восприняла свалившуюся на нее удачу в лице этого веселого парня достаточно спокойно. Она знала, что вернет ему эти деньги, хотя сам факт ее зависимости от него был поначалу ей не очень приятен.

– Я только завтра смогу отдать вам деньги, – сказала она несколько смущенно. – Давайте с вами договоримся: либо я даю вам свой адрес и вы приезжаете ко мне за ними, либо я сама привезу их вам... Думаю, что не надо говорить, насколько я благодарна вам за все. Вы же спасли меня от настоящего позора... Надо же: так влипнуть! – Мужчина шел молча и, пользуясь моментом, разглядывал свою спутницу. Наконец он остановился, взъерошил рукой волнистые светлые волосы на голове и улыбнулся:

– Вы такая смешная... Давайте хотя бы познакомимся, что ли... Меня, к примеру, зовут Игорь. Игорь Невский. А вас?

– А меня просто Валентина, – она подняла на него глаза и почувствовала вдруг, как все пространство вокруг словно тает, расплывается, превращаясь в мутные бледные пятна, и есть только этот человек с зеленоватыми глазами, изящно очерченными губами и мужественным подбородком. Игорь Невский. Он был на голову выше ее, в просторной светлой стильной одежде, красивый и какой-то невероятно близкий. Ей показалось, что она уже где-то видела это лицо, этот спокойный умный взгляд и даже как будто ей знаком пряный горьковатый аромат, в котором, как в прозрачном коконе, жил этот мужчина.

Всегда стремящаяся к независимости во всем, Валентина вдруг ясно ощутила потребность зависеть именно от такого человека, как он.

Она высоко вскинула голову, как бы стряхивая обволакивающее, приятное донельзя состояние, которое было сродни какому-то наваждению. Она только что представила себе, как Невский, с которым она знакома не более двадцати минут, обнимает ее за плечи, и от представленного тотчас zakружилась голова. Такого с ней еще никогда не случилось.

«Я не отдам ему деньги, пока не посмотрю на него, пока не напитаюсь им вдоволь, пока не надышусь одним с ним воздухом, пока не поцелую...» Понимая, что она потихоньку сходит с ума, Валентина как сквозь туман услышала:

– Бог с ними, с деньгами, вы мне лучше раскройте вашу тайну: на кой вам сдались эти нашивки? Вы их что, коллекционируете?

– Почти, – рассеянно ответила она. – Просто я шью. Я портниха. У меня дома хорошая машинка, классный немецкий оверлок и все такое прочее... Понимаете, я как-то раз провела один эксперимент: сшила костюм из настоящего итальянского шелка, со стразами, пришила этикетку фирмы «Нина Риччи» и принесла в коммерческий магазин. Вы не поверите, но я выручила за него сумму, в сто – да-да, я не преувеличиваю! – в сто раз больше, учитывая стоимость ткани и мою работу... Как сейчас помню – четыреста долларов. Это же психология наших жен-

щин... Поэтому приходится иногда прибегать к таким вот неблагоприятным вещам... Ну как, я вас разочаровала?

– Нет, что вы... И вы шьете вот этими самыми маленькими ручками, этими пальчиками? – Он сбавил ход, и Валентине показалось, что он хочет дотронуться до ее руки. Она почувствовала, что краснеет.

– У вас совершенно потрясающие, ну просто какие-то канареечные перчатки... Это вы сами их сшили?

– Конечно. И костюм. Вам нравится?

– Нравится. Если честно, то мне ВСЕ в вас нравится.

Невский, разговаривая с Валентиной, испытывал настолько схожие с ней чувства, что разговор как бы шел отдельно, а те зрительные и душевные процессы, которые бродили в нем, существовали вне времени и пространства. Он видел перед собой нежное с бледной, почти прозрачной кожей, узкое лицо с огромными черными глазами, маленьким аккуратным носом и розовым влажным, слегка как бы припухлым ртом. Особенно его волновала верхняя ее губа, которая словно инстинктивно тянулась чуть-чуть вверх, чтобы ее поцеловали.

Рыжая роскошная шевелюра. Тонкая шея с голубыми трогательными прожилками казалась невероятно белой на фоне глубокого черного жукового цвета жакета с узким низким вырезом, настолько хорошо сшитого, что он повторял линию высокой полной груди и плотно облегал тонкую талию, плавно переходя на бедра. Узкая короткая юбка, длинные, стройные, ослепительно белые ноги, мерцающие при свете электрических уличных фонарей шелковым блеском тончайших чулок, мешали Игорю сосредоточиться на разговоре. Он даже уже и не помнил, о чем они говорили. В одночасье вся его прежняя жизнь потеряла всякий смысл. И это все произошло так неожиданно, что он просто в себя не мог прийти при восхитительной мысли, что эта фантастическая девушка ТЕПЕРЬ имеет к нему какое-то отношение. Пусть это будут деньги, пусть будет даже преступление, все что угодно, только бы она была рядом и вот как сейчас стояла с ним и ждала, когда он ей что-нибудь скажет... Неужели он, как идиот, назначит ей встречу на завтра и будет ждать целую ночь прежде, чем снова увидит ее? Он не доживет до завтра.

– Я бы пригласил вас в ресторан, но боюсь, что это прозвучит пошло, – сказал он осторожно, чтобы не спугнуть ее.

– Вообще-то я не голодна. К тому же, окажись я за столом, начнется ужасное... Вы не смейтесь, но я тотчас начну заказывать пирожные, и вы же первый станете меня презирать...

– А я закажу вам морковку. Или две. И зеленого салату...

– Разве я похожа на зайчиху? – Они шли и несли такую чушь, что, если бы кто-нибудь подслушал их разговор, подумал бы, что люди объясняются только им известными словами-символами.

И так, перебрасываясь ничего не значащими фразами, они свернули в Столешников переулок, прошли по узкой, густой от магазинов и машин Пушкинской до Китай-города и побрели дальше, по Солянке.

На станции метро «Новокузнецкая» зачем-то сели в метро, устроились на уютном диванчике в самом конце вагона и помчались в неизвестном направлении: куда, зачем?! Затем начались какие-то пересадки, переходы, движение в обратную сторону и снова вагон, люди, диванчик и постоянное сладчайшее ощущение того, что они вместе.

Все это время Валентина говорила что-то о своих клиентках, о том, что даже здесь, в Москве, проблематично купить настоящий шелковый бархат, не говоря уже о панбархате. Или вообще принималась лихорадочно рассуждать о том, как бы ей жилось в ТЮРЬМЕ, если бы после сегодняшнего инцидента на нее завели уголовное дело, совершенно не отдавая, конечно же, себе отчета в том, насколько серьезны могли бы быть последствия...

Невский слушал и наслаждался просто звучанием ее голоса.

Густые рыжие волосы Валентины в замкнутом пространстве ярко освещенного вагона метро горели теплым оранжевым блеском, подчеркивая матовую белизну кожи.

Валентина была так хороша, что пассажиры, входящие в вагон, не упускали возможности полюбоваться на яркую, можно даже сказать, экстравагантную девушку в золотисто-черно-желтых тонах.

На улице 26 Бакинских комиссаров зашли в бар при какой-то гостинице, заказали коньяк с лимонным соком и уселись на высокие стулья, прислушиваясь к собственным ощущениям и пытаясь каждый для себя определить, что же происходит и почему они до сих пор вместе? Вечер лениво перекатывался в ночь. Выпитый коньяк, тихая музыка, расслабляющая душу грустным соло саксофона, янтарный свет, льющийся откуда-то сверху и превращающий бар в подобие прозрачной стеклянной коробки с апельсиновым желе, – все это опьяняло и наводило на самые смелые мысли и желания.

Когда Невский, долгое время молчавший и только слушавший тихий говорок Валентины, нежно коснулся ее руки, она вдруг вспомнила, что сегодня пятница и что к ней должен прийти Сергей и принести кольца. Что она НЕВЕСТА и не имеет в принципе права на такое вот легкомысленное поведение. Но шли минуты, часы, но Валентина вместо того чтобы лететь домой и объясняться с человеком – которого еще вчера, как ей казалось, она любила и за которого собиралась выходить замуж, – почему она задержалась, продолжала находиться в том сомнамбулическом состоянии, которое сродни гипнозу, и ждала, что вот-вот что-то произойдет.

Она тоже замолчала. Ей почему-то захотелось плакать.

Наверно, из-за невозможности изменить свою жизнь, потому что слишком далеко зашли ее отношения с Сергеем... Да, после всего, что он для нее сделал, она просто не имеет права расстаться с ним. И еще ей хотелось плакать потому, что у Невского скорее всего есть семья. Но Валентина молчала и не хотела его ни о чем спрашивать. Это не имело на тот момент никакого смысла. Она жила минутами, проведенными рядом с ним, и с ужасом, граничащим с паникой, вдруг поняла, что влюбилась. И что это чувство, как внезапная болезнь, разрушило в одночасье все ее представления об ответственности и порядочности, какие только имелись...

И это все произошло с рассудочной, серьезной и очень уравновешенной Валентиной, которая всегда смеялась над слабостью и страстью тех женщин, с которыми была знакома и в тайны которых была посвящена.

У Невского же ситуация была много сложнее. Он уже месяц как был женат на Анне, дочери академика Вельде, старинного приятеля отца, и через неделю Игорь с молодой женой должен был отправиться в Англию, в свадебное путешествие. Они бы улетели еще раньше, сразу после свадьбы, да помешала погода – в Москве гремели грозы, а потом город долгое время жил в густом молочном тумане.

Анна – сложное, противоречивое существо, наделенное острым умом, хитростью, переполненное до краев амбициями и чувством собственного достоинства, тем не менее больше всего на свете любила Игоря. Еще со школы. И положила немало сил на то, чтобы обратить на себя его внимание. В ход шло все, что только возможно в подобных случаях: совместные обеды и ужины двух семей – Невских и Вельде, сногшибательные наряды, тысячи разного рода провокаций, способствующих сближению двух свободных молодых людей, тщательно сыгранные сцены ревности и страсти, любви и заботы, всего не перечечь.

Худенькая, черноволосая, с яркими голубыми глазами, поражающими воображение своим холодным, почти ледяным блеском, Анна практически всю свою энергию бросила на то, чтобы соблазнить Игоря, а после того как она отдалась ему – причем в ее доме, сразу после застолья, устроенного в честь окончания ею института международных отношений, – Анне показалось, что на этом их отношения и закончились. Она разочаровалась в Игоре. Девственница, она ждала от их первой близости какой-то особенной нежности, а взамен получила пять минут грубого удовлетворения «скотского мужского желания».

О том, что они переспали, стало известно ее матери, которая, в свою очередь, рассказала все мужу, а Вельде, весьма консервативный в своих взглядах на проблемы подобного рода, позвонил Игорю на работу и вызвал его к себе для разговора.

«Ты любишь мою дочь?» – спросил старик (он был старше своей жены на целых тридцать лет, и Анна была в какой-то мере поздним ребенком, к тому же единственным и горячо любимым).

Игорь ответил кивком головы. Спать с Анной Вельде без любви означало бы расписаться в своей безнравственности.

Так он и женился.

Анна же, так много и часто любившая порассуждать на темы секса, в постели оказалась совершеннейшей РЫБОЙ, как определил сам Невский: холодной и молчаливой. Она никогда не отвечала на его ласки, нежность и всем своим существом противилась близости.

Молодые переехали в роскошно обставленную четырехкомнатную квартиру, которая давно ждала своего часа, если не с самого рождения маленькой Анечки, и, разбежавшись в разные комнаты, стали сосуществовать всем законам вопреки.

Спустя какое-то время Игорь привык к такому образу жизни или, вернее, приспособился, хотя достаточно часто задавал себе один и тот же вопрос: как могло так случиться, что он, никогда и никого в жизни не любивший, вот так запросто позволил себя женить на в общем-то чужой ему женщине? С Анной-то все понятно. Она и сама говорила ему в открытую, что ей приятно видеть возле себя красивого и умного мужа, да к тому же еще и директора крупной совместной фирмы. Но зачем ему было лишать себя свободы, если он не испытывал к Анне никаких чувств? На этот вопрос за него ответила его мать, когда сказала: «Это врожденное чувство ответственности. Ты такой же, как и твой отец». И она действительно оказалась права.

Самое удивительное в этом браке было то, что супруги практически не ссорились. Не было повода. Все бытовые проблемы были решены заранее еще родителями. Финансовые проблемы вовсе отсутствовали как со стороны семьи Вельде, так и у Невского. Не было любви и не было проблем. Так, во всяком случае, выходило.

И вдруг – Валентина. Невский не собирался изменять жене, но как же так получилось, что он ночью сидел в баре с роскошной рыжеволосой девушкой, потягивал коньяк и дрожал только при одной мысли о том, что под черным мягким, как шерстка кошки, кашемиром находится женское тело, полное тепла и неги...

Почему именно она? Ведь он жил не в замкнутом пространстве, каждый день встречал множество красивых девушек и женщин, но почему-то дальше любопытного взгляда, обращенного в их сторону, дело не шло. Когда уж становилось особенно мучительно, он вечером приходил в спальню жены и там получал спасительные несколько минут «утоления жажды».

С Валентиной было все иначе. Безусловно, он хотел ее как мужчина, но обладанием одного ее тела он не насытился бы. Он хотел ее всю, целиком и навсегда. Но он не знал, как сказать ей об этом, чтобы она ему поверила. Он даже был готов к тому, что она замужем и у нее есть дети.

Обычно, когда люди молчат, возникает какое-то напряжение, неловкость. Но сейчас никакой неловкости не было. Они наслаждались обществом друг друга, и никто из них не представлял, чем эта игра в молчание может закончиться.

Наконец Невский спросил:

– Вы замужем? – и чуть не задохнулся от собственных догадок.

– Можно сказать, что да... – прошептала она на выдохе и глаза ее увлажнились, – через несколько дней свадьба. Вы не знаете,

что я здесь делаю? Скажите мне, почему я здесь? И что мне теперь делать? – Она разорвала колечко лимонной кожуры и посмотрела на Игоря так, словно только он сейчас мог ее спасти.

– Вы здесь потому, что и Я здесь... И я знаю, что нам делать... Пойдемте и ничего не бойтесь... – Он поймал ее руку в свою и крепко сжал ее. – Если вы мне доверитесь, то ничего страшного не произойдет.

– И вы доставите меня домой? – Валентина затаила дыхание, представив, как он сейчас будет ловить такси, чтобы отвезти ее домой, на Масловку.

– Да, – сказал Невский каким-то странным голосом и помог сойти с высокого стула. Она почувствовала, как он потянул ее к выходу, и подчинилась ему полностью.

Они вышли из душного бара на улицу. Шел мелкий прохладный дождь. Для конца августа нормальная погода. Валентина почти бегом бежала за Невским, который продолжал держать ее за руку, вдоль каменной стены, не понимая, где же здесь может быть стоянка такси.

Когда Игорь распахнул огромные прозрачные двери гостиницы, напоминающей офис гигантского предприятия с великим множеством красных кожаных кресел и стеклянных столиков, она подумала, что он просто ищет телефон, чтобы позвонить... Но когда он, усадив ее в одно из этих кресел, подошел к застекленной конторке с красной надписью «администратор», она поняла, что ошиблась в своих предположениях.

И если через несколько минут они поднимались на лифте куда-то очень высоко, то душа Валентины стремительно летела в пропасть. Сердце ее стучало, тело начало подрагивать от непредсказуемости ситуации, щеки горели, а глаза почему-то начало щипать...

Звения ключами, Невский открыл номер, расположенный в самом конце длинного, устланного толстым красным ковром, коридора, протянул Валентине руку и, только оказавшись в полной темноте, сжал девушку в своих объятиях, отыскал ее губы и поцеловал долгим, мучительно долгим поцелуем, во время которого он ждал ее реакции и больше всего боялся, что ошибся... Но судя по тому, как податливо оказалось ее тело, как покорно она легла на кровать и позволила себя раздеть, он понял, что переживал напрасно.

Ему захотелось зажечь свет, но он так и не смог оторваться от ее тела, которое так не походило на безжизненное тело Анны. И не потому, что Валентина была искушена в любви, просто она отдавалась ему так, словно хотела этим сказать: возьми меня полностью, я вся твоя, от кончиков ногтей до самой низменной мысли. Хотя вряд ли такова; вообще могла существовать в этой драгоценной головке, которая теперь покоилась на его плече, готовая подняться в любое мгновение, стоит ему только этого пожелать.

Сказать, что в эту ночь Игорь почувствовал себя настоящим мужчиной, – значит не сказать ничего. Он обрел благодаря Валентине свободу, так нелепо утраченную посредством неудачной женитьбы. Это была внутренняя свобода, которая выражалась открытым выплескиванием страсти, стремлением познать женщину во что бы то ни стало...

Горячее упругое тело Валентины, которое возбуждало его с первой минуты знакомства, теперь принадлежало только ему, и он никому не собирался его отдавать. Игорь прижался к нему, обвил руками и ногами и зарылся лицом в теплую душистую волну потемневших в синих ночных сумерках волос...

– Валентина, – позвал он, и она отозвалась, заскользила гладко в его руках и откинулась на спину, разметала руки и открыла глаза.

– Я бы хотела помолчать, – прошептала она взволнованно, – сейчас бессмысленно что-либо говорить. Я счастлива, это единственное, что я чувствую. И я знала, знала, что мы в конеч-

ном счете окажемся в гостиничном номере, но все равно продолжала делать вид, что ничего не понимаю... Мне все равно, что ты подумаешь, но лучше уж сказать правду, чем сочинять на ходу какое-нибудь оправдание своим поступкам. Так вот, господин Невский, мы не должны больше встречаться. Потому что я не смогу делить тебя с кем бы то ни было. Слово «жена» для меня не существует. Это ТВОЕ слово. А твоей любовницей я быть не собираюсь. Если ты только захочешь, мы всегда будем вместе. Но терпеть рядом с тобой другую женщину я не намерена. Это не ультиматум, просто я стараюсь как можно яснее выразить свои мысли.

– Я бы мог обмануть тебя и сказать, что свободен, но это не так... Я действительно женат и мне потребуется какое-то время, чтобы развестись. Чтобы не расставаться с тобой, мы бы могли все это время – до моего официального развода, – жить вместе. Ты согласна?

– Да, конечно, – говоря это, она явно нервничала, не до конца осознавая все то, что сейчас с ней происходило. Она говорила как в бреду. – Мне тоже потребуется время, чтобы объяснить моему жениху, что произошло. Только после этого мне надо будет оставить квартиру, в которой я сейчас живу... Я сама не москвичка, понимаешь, я очень многим обязана Сергею, своему... жениху. Но ведь мы же не преступники? Скажи?! Я уверена, что он все поймет и отпустит меня...

– Можно я включу свет?

– Включи, конечно. Ты хочешь увидеть меня?

– Да. Мне надо убедиться, что ты существуешь реально, а то эти голубоватые тени на стенах мешают мне поверить в свое счастье. А вдруг ты – только плод моего воображения? – Он протянул руку и зажег лампу. Мягкий свет тотчас высветил рассыпанные по подушке рыжие кудри, огромные темные уставшие глаза, красный рот Валентины, ее полные с нежно-розовыми сосками груди, плоский бархатистый живот и стройные, сливочного цвета бедра. Согнутая тонкая нога ее покоилась на бедре Невского, и от этой интимнейшей позы Игорь испытывал жгучее чувство собственника...

– Послушай, что я тебе скажу, – он поцеловал ее в висок и провел пальцем по ее припухшим от долгих поцелуев губам, – согласен, так, как у нас с тобой – почти не бывает... Но ты должна мне верить. Просто нам повезло, что

мы встретили друг друга. О любви много написано книг, только ты их не читай, если захочешь найти ответы на свои вопросы. Все, что тебе нужно, ты прочтешь в моих глазах. Ты для меня – это все. Я никому и никогда не говорил таких слов. Ты веришь мне?

И вдруг она захохотала. Он сначала не понял, а потом увидел, что на ней по-прежнему желтые перчатки, которые она забыла снять (или же одела по инерции, механически), и захохотал вместе с ней.

«Господи, сделай так, чтобы мы никогда-никогда не расставались», – промелькнуло в голове Валентины, когда она, сорвав перчатки, швырнула их на постель и увидела, как Игорь покрывает каждый ее пальчик поцелуем.

– Я люблю тебя, – сказал он, подминая ее под себя и теряя рассудок от нахлынувшего на него желания.

Глава 2

Анна провела весь вечер у телефона и уснула только под утро.

Она ждала этого, начиная с первого дня их совместной жизни.

Боялась, но ничего не могла поделать. Теперь, когда она, казалось бы, достигла всего, чего хотела, начался самый мучительный период ревности. В ее тщательно спланированной жизни именно ревности, потенциальной ревности отводилась немаловажная роль. В том, что Игорь будет ей изменять, она нисколько не сомневалась: измены присутствовали в каждой семье, которую она знала. Без исключений. Даже ее мать изменяла отцу, но только очень умело это скрывала. Анна же, в отличие от матери, не испытывала ни малейшего желания спать с кем-либо, кроме Игоря. Секс не приносил ей ничего, кроме беспокойства. Беспокойства по поводу того, что ее тело никак не отвечало на мужскую страсть. «Я – холодная женщина».

Когда она, по совету подруги, пришла к сексопатологу, молодой врач-очкарик внимательно выслушал ее и задал пару таких вопросов, от которых Анну чуть не стошнило. Да, она видела это на кассете, но заниматься этим с мужем она не будет. Это – противоестественно. Это может выхолостить все остальные, не имеющие к сексуальной жизни, обычные человеческие чувства.

Нет, она не ханжа, просто у нее совершенно другое представление об интимной жизни. Не согласилась она также и на глубокое гинекологическое обследование, сочла это излишним.

– Ну и что тебе посоветовал Валерий Иванович? – спросила подруга, ожидавшая ее в коридоре. В отличие от Анны у нее было три любовника. Один из них – знакомый сексопатолог.

– Пойдем отсюда. Твой сексопатолог чуть не изнасиловал меня на своей мерзкой кушетке... Все врачи вообще какие-то повернутые на этом деле. Согласна, я дуб дубом в сексе, но проделывать с Игорем такие штуки, какие он мне посоветовал, не смогу... Понимаю, что мужчинам это должно нравиться – я бы и сама на их месте получала от ЭТОГО удовольствие, – но я женщина и нахожу удовольствие в другом...

– Интересно, в чем же? – хмыкнула подруга, думая и вспоминая свое.

– Ты не поверишь, но мне достаточно просто находиться с ним рядом. Он дома, и больше мне ничего не надо. Кто знает, быть может, во мне когда-нибудь что-нибудь и проснется, и я сама приду к нему в спальню и возьму его, как это сейчас делает он со мной, но сколько на это понадобится времени...

И вот теперь он не пришел ночевать. Он наверняка спит в объятиях другой женщины. Анна была уверена в этом. Ей и в голову не приходило, что с ним могло что-нибудь случиться.

Она подсознательно ждала измену в самом ее натуральном выражении и дождалась. И теперь, когда ее прогнозы оправдались, она растерялась. Она намеревалась привязать к себе мужа комфортной спокойной жизнью, упорядоченностью во всем, начиная со здорового образа жизни (бег трусцой и овсянка с мюсли по утрам, ненавязчивая диета, регулярные походы к мас-

сажисту и стоматологу, вареная нежирная треска по пятницам и длительные прогулки перед сном) и кончая элементарным порядком в шкафах с бельем, но этого оказалось мало. Он, судя по всему, пресытился порядком и захотел внести в эту разумную преснятину элемент абсурда. Что ж, может, он и прав, но только что теперь делать ей? Какими словами она встретит его утром? Если, конечно, он придет. Простить? И постоянно прощать?

Она обошла всю квартиру, собрала все чашки, которые оставляла в течение всего вечера с недопитым кофе, и пепельницы. Не выдержала, закурила.

Огромная квартира, где во всем преобладал белый цвет – белые диваны, кресла, вазы, шелковые занавески, ковры в бело-розовой гамме, – показалась гигантским медицинским кабинетом.

Анна разделась и подошла к огромному, во всю стену, зеркалу, включила свет и задернула шторы на окнах.

Затем, зажав пальцами нос, прогнусавила, подражая голосу сексопатолога:

– Костлявы вы чрезмерно, Анна Вельде, и груди смотрят в разные стороны... С вашими черными волосами и густой шерстью на ногах вам надо бы быть много темпераментнее, а вы вместо того чтобы мужа ублажать, книжки читаете да пыль по сто раз протираете... Идиот! А ведь он именно так и подумал, потому и спросил про ЭТО...

Она замолчала.

Как называется человек, который разговаривает сам с собой в пустой квартире? И ей стало жаль себя. Она стояла перед зеркалом и гладила тонкими прохладными руками свое худенькое стройное тело. Оно молчало.

Тогда она легла в постель, закрыла глаза и попыталась возбудить себя. Все безрезультатно. Тело молчало и на этот раз. А ведь для такого эксперимента ей понадобилось перешагнуть высокий барьер, который многие ее сверстницы перемахнули еще лет в тринадцать...

Горячие слезы скатились от глаз к вискам и впитались в шелковую наволочку. Затем еще и еще... Она закрыла ладонями лицо и представила, как ЕЕ Игорь, которого она боготворила, целует в губы другую женщину. Наверно, блондинку. Для контраста с женой.

И хотя тело ее по-прежнему молчало, в душе в это время проснулось другое, не менее сильное, чем страсть, чувство...

Сергей Костров полчаса ждал Валентину, а потом не выдержал, открыл квартиру своими ключами, прошел на кухню, сел за стол и уставился в окно. Еще через полчаса он обнаружил на тарелке под салфеткой остатки вишневого пирога и съел его, до последней крошки.

Нехорошее чувство мешало сосредоточиться на том, чем он жил эту последнюю неделю перед свадьбой. Он был счастлив, что женится на Валентине. Но не был уверен, что те же

самые чувства испытывает к нему и она. Да и как вообще можно быть уверенным в ком-то, кроме себя самого.

Он обошел квартиру. Однокомнатная, но уютная, из которой так не хочется утром уходить. И эта квартира, и мебель, и вообще каждая вещь, находящаяся здесь, была куплена или с ведома Сергея, или на его деньги. Он не позволял Валентине тратить заработанные ею деньги, взял с нее слово, что она будет их откладывать для того, чтобы в ближайшем будущем создать свою собственную коллекцию модной одежды и поехать с ней за границу. Он знал, что это розовая мечта Валентины и всячески старался поддержать ее в этом.

Они познакомились на вокзале, когда Валентина приехала из Подольска и, едва сойдя с поезда, купила целую кипу газет, уселась с ней на скамейке неподалеку от вокзальной площади в сквере и стала изучать на предмет поиска недорогой квартиры. Костров, который в это самое время случайно присел на скамейку, спросил у нее анальгин.

– Я вам не аптека, – сухо отозвалась девушка в сером длинном плаще и придвинула поближе к себе большую дорожную сумку зеленого цвета.

Было третье сентября, накрапывал дождик, но между тучами изредка проглядывало солнце, и в такие вот редкие минуты все вокруг словно оживало. И даже неразговорчивая девушка с рыжими волосами преображалась, лицо ее как бы светлело, хотя улыбки все равно не было. У Сергея разболелся зуб, и ему было в принципе все равно, у кого спросить анальгин.

Пресловутый анальгин можно было купить в той же привокзальной аптеке, но до нее нужно было еще дойти, а девушка сидела рядом и выглядела такой беспомощной, обложившись газетами, что Костров понял сразу – приезжая, приехала покорять Москву. Будущая фотомодель или проститутка. А у приезжих всегда есть анальгин.

Но он обманывал себя, как, впрочем, и всегда. Девушка ему просто понравилась. И очень сильно. Так, что он начал даже забывать о своем больном зубе.

– Зачем вам столько газет? Вы что, решили устроиться пресс-секретарем?

– Это мое личное дело, – ответила она, резко сложила газету, хлопнула по ней рукой и жестким взглядом уставилась на Сергея. – Что вы ко мне пристали? Если вам действительно нужно что-то болеутоляющее, то пойдите в аптеку, она здесь неподалеку, за углом.

Она демонстративно отвернулась, давая ему тем самым понять, что будет дожидаться, пока он уйдет. Но Костров и не собирался сдаваться. Поведение незнакомки начинало нравиться ему все больше и больше.

– А вы с характером, – сказал он, вставая со скамейки и становясь таким образом, чтобы взглянуть в лицо девушки. – Вы приезжая, и я могу вам помочь.

Она широко раскрыла глаза и пожала плечами:

– Мне действительно нужна помощь, но не думаете же вы, что я приму ее от совершенно незнакомого человека.

– Вы ищете работу?

– Нет, это работа ищет меня, и моя задача помочь ей в этом.

– У вас явно нестандартное мышление, но устроены вы стандартно, как и все мы. Вы наверняка ищете квартиру, иначе бы не сидели около вокзала, обложившись газетами. У меня есть для вас кое-что. Однокомнатная квартирка на Масловке, очень приличная. Вам она обойдется совсем недорого.

– Это ваша квартира?

– Почти. Я ее почти выкупил у одного своего знакомого, который уехал за границу. Только там надо навести порядок. Я понимаю, что мое предложение может показаться вам несколько опасным, что ли... Но если хотите, я покажу вам свой паспорт, немного расскажу о себе, чтобы вы не боялись меня. Дело в том, что навряд ли с помощью газет вы сможете подыскать себе приличное жилье. Вы хорошо знаете Москву?

– Нет, – призналась она. Стоящий перед ней молодой человек выглядел весьма респектабельно, был хорошо одет и разговаривал с ней на равных, очень доброжелательно.

«А почему бы действительно не заглянуть в его паспорт?»

– Покажите свой паспорт, – проговорила она несколько смущенно. «Но ничего не поде-лаешь, лучше уж пережить эту неловкость – все-таки человек хочет помочь, – чем потом уно-сить ноги», – решила она.

И Костров, открыв «дипломат», достал паспорт и протянул ей.

«Костров Сергей Иванович, 1961 года рождения...» – читала она, не понимая до конца, что ей, собственно, даст изучение его паспорта. Затем полистала и поняла, что он к тому же еще и холост. Детей тоже нет. Хотя пора уже обзавестись семьей.

– Ну что, познакомимся? – спросил Сергей, улыбаясь и пряча паспорт на место. – Меня зовут Сергеем, а вас?

– Валентиной. Вы извините, что я так себя веду, но у меня нет другого выхода. Посудите сами, подходит совершенно незнакомый человек, да еще в районе вокзала, и предлагает свою помощь.

– Ну так что, Валентина, рискнете поверить незнакомому человеку?

– Придется. Все равно, даже если бы я выписала адреса сдающихся квартир из газет, то рисковала бы не меньше. А где находится ваша жирная Масловка?

Он рассмеялся.

– Кстати, мой зуб уже не болит. Видите, как благотворно вы на меня действуете?

– Просто вы еще меня не знаете. Я не такая безобидная, как вам может показаться.

Она легко поднялась со скамейки, и они направились в сторону метро. Пока они шли, Сергей рассказывал ей о метро, как проще добраться до Масловки и по ходу дела объяснял, как лучше ориентироваться, чтобы сэкономить время, и давал кучу советов...

Квартира сразу понравилась Валентине. Но больше всего ее поразила та символическая цена, которую назначил Костров.

– Скажите, а почему вы подошли именно ко мне? – спросила она его уже вечером, когда они пили чай на кухне.

– Потому что вы мне понравились, разве непонятно?

– Вы можете, конечно, обидеться, но этот поступок не делает вам чести. Я не доверяю людям, которые вот так запросто знакомятся на улице. Значит, если сегодня вы подошли ко мне, то завтра подойдете к кому-нибудь еще... Ведь так?

– Не знаю.

Он и сам не знал, как объяснить свой поступок.

– Думайте что хотите. А теперь мне пора, – он поднялся, взглянул на часы и, внезапно чертыхнувшись, решительно направился к двери. – У меня еще масса дел.

– Дела? Вечером? – Она усмехнулась.

– У меня всегда дела. Я заведу филиалом коммерческого банка, и сейчас как раз идет его реконструкция. Мне срочно надо повидать двух своих компаньонов, они где-то в половине десятого будут ждать меня в гостинице... Но это уже вам неинтересно. Счастливо вам оставаться. Вот вам моя визитная карточка, если захотите меня увидеть или услышать, звоните. Здесь масса телефонов, но это все рабочие. А вот этот мой домашний, – он достал ручку из нагрудного кармана пиджака и написал на обратной стороне визитки.

– И вы тоже... если захотите увидеть меня, то звоните, – она кивнула на стоящий в прихожей телефон. – Я буду рада услышать ваш голос.

– Вы больше меня не боитесь?

– Кажется, нет.

Он ушел, а она, оставшись одна, принялась осматривать квартиру. Из разговора с Костровым она поняла, что его друг, которому раньше принадлежала эта квартира, продал ее Сергею вместе с мебелью, телевизором, холодильником и прочим. Поэтому перебив полы и приняв ванну, Валентина, чувствуя невероятную усталость, легла на диван, включила телевизор и вдруг поняла, как ей сказочно повезло, что она встретила Кострова. «Как хорошо, что у него заболел зуб», – подумала она перед тем, как погрузиться в сон.

А на следующий день она дала в четырех газетах объявления о том, что шьет на дому женскую легкую одежду, затем поехала в магазин «Ткани» и купила хорошую швейную машинку, «зингеровские» ножницы, два десятка бабин с нитками, несколько отрезков ткани, необходимую фурнитуру и все это на такси привезла «домой».

Деньги на поездку в Москву Валентина копила два года, занимаясь в Подольске, где жила с матерью, портновским делом. Целыми днями строча на машинке, она думала только об одном: как бы ей выбраться из этого скучного и маленького городка в Москву, чтобы там попробовать добиться успеха.

Валя шила, сколько себя помнила. После школы закончила швейное училище, но поступать в ателье на работу не захотела. Работала на дому. Когда появлялись свободные деньги, покупала в коммерческих, тогда еще редких магазинчиках дорогую ткань и шила что-нибудь для души, а потом продавала в местных комиссионных.

Когда по телевизору передавали репортажи с показом мод, Валя забывала обо всем на свете. Чуть ли не со слезами на глазах она смотрела на движущихся по подиуму стройных манекенщиц, одетых в фантастически роскошные наряды, прекрасно отдавая себе отчет, что здесь, в ее родном городе, ей никогда, НИКОГДА не воплотить в жизнь свои смелые идеи, что они так и останутся у нее в альбоме – нарисованные черными чернилами, безжизненные и плоские...

– Мама, я поеду в Москву, – сказала она в начале сентября и достала из шкафа большую дорожную сумку. – Деньги у меня есть, ты не беспокойся. Я все обдумала. Здесь мне больше делать нечего. Весь Подольск ходит в моих платьях и костюмах. Пусть теперь приоденется Москва. А там посмотрим...

Полина, мама Валентины, бледная анемичная женщина с грустными глазами и копной выующихся совершенно седых волос, которые она принципиально не хотела красить, уронила чашку.

Она не представляла себе жизни без дочери.

– Сначала в Москву уехал твой отец и исчез, – сказала она, подбирая с пола осколки и не торопясь поднимать голову, чтобы Валентина не могла увидеть ее слез, – теперь уезжаешь ты. А что же будет со мной?

– Когда встану на ноги, приеду за тобой. Ты же не хочешь, чтобы я была твоей нянькой? К тому же Москва – это же не Северный полюс. Я буду регулярно звонить, писать, буду приезжать к тебе в гости...

– Ты в точности повторяешь слова твоего отца, – заметила Полина.

Валентина, которой до слез было жалко оставлять мать одну, но которая понимала, что держась за ее юбку, вообще ничего в жизни не добьешься, проронила:

– Было бы неплохо повторить и его судьбу. Ты извини, ма, что говорю тебе это, но твой Борис Михайлович теперь каждое утро пьет кофе на Монмартре, а мы с тобой, кроме унылого

пейзажа за окном да лоскутов с нитками, ничего не видим. А жизнь дана, как известно, всего один раз... Ты понимаешь меня?

Полина встала и взглянула в глаза дочери:

– Что ты хочешь услышать от меня?

– Ты знаешь что.

– Хорошо, я ПОСТАРАЮСЬ тебя понять.

Обо всем этом Валентина вспомнила сейчас, когда под шум дождя за окном распаковывала машинку, устанавливала ее на столе, приводила в порядок вынутые из сумки вещи, складывая их аккуратно на пустые полки шкафа.

Большой обеденный стол ей хотя и с трудом, но удалось разложить, и получился длинный и ровный стол для раскроя.

Она не рассчитывала на то, что будет много звонков, поэтому, не откладывая, раскроила первое платье из черного муслина на шелковой подкладке. Классический приталенный фасон, ничего лишнего. Сорок четвертый размер. В Москве сотни магазинов, куда можно будет его сдать на продажу.

На следующий день Валентине позвонил Костров. Поинтересовался, как у нее идут дела (Валентина еще в первую встречу успела ему рассказать о том, что она портниха и намерена организовать собственное дело).

– Ни одного звонка, – честно призналась она, обрадовавшись, как если бы ей позвонил хороший знакомый. – Сiju, шью...

Как часто потом она будет говорить ему эту фразу, даже не подозревая о том, как приятно ему, человеку, искушенному в любовных делах и имеющему самое полное представление о женской сущности, будет видеть каждый день перед собой девушку с иголкой в руках: символ женственности и трудолюбия.

Как сильно отличались от Валентины его многочисленные любовницы. Да, они были по-своему хороши, образованны, женственны, но при общении с ними Сергея не покидало ощущение того, что их отношения носят временный, поверхностный характер. В Валентине же он видел потенциальную жену и долгое время не мог выбрать форму их отношений, при которой Валентина смогла бы догадаться о его намерениях. Говорить же напрямую о своих внезапно вспыхнувших к ней чувствах он почему-то не смел, несмотря на то что вообще-то с женщинами не церемонился, назначал встречи достаточно часто и подчас чувствовал себя пресыщенным донельзя.

Валентина же, первое время воспринимая Кострова просто как приятеля, не больше, постепенно поняла, что он в нее влюблен, и стала над ним подшучивать. Она много работала, поэтому вечером, когда к ней приходил Костров на чашку чая, она позволяла себе расслабиться. В Подольске она встречалась с молодым женатым мужчиной, разочаровалась в нем, поэтому и уехала с такой легкостью, чтобы поскорее его забыть. А в Москве времени на личную

жизнь совершенно не оставалось: пошли первые заказы. Стали налаживаться связи с магазинами.

Словом, все шло так, как она себе и представляла. А тут Костров...

Все началось с тяжелого, продолжительного гриппа. Одна из заказчиц Валентины заразилась гриппом, чуть не умерла сама, а Валентина десять дней металась в жару, не понимая, что с ней происходит. Костров в это время был в Питере и ничего не знал о ее болезни. Когда же он приехал и позвонил в дверь, то, не услышав знакомых звуков шагов за дверью, понял, что что-то случилось. Даже не то чтобы понял, скорее ПОЧУВСТВОВАЛ. У него были запасные ключи от этой квартиры, поэтому он, несколько не колеблясь, открыл квартиру и нашел Валентину без сознания. Она лежала в пижаме на полу и очевидно пыталась подняться, чтобы открыть ему дверь.

Костров поднял ее на руки и перенес в постель. Вызвал «скорую» и до ее приезда не отходил от больной, постоянно прикладывая холодные мокрые полотенца на лоб.

Валентина проболела целый месяц и за это время успела привязаться к заботливому и терпеливому Кострову, который выполнял все ее желания, ухаживал за ней как мог и однажды, не вытерпев, поцеловал ее. Почувствовав себя в руках сильного и опытного мужчины, Валентина впервые за несколько месяцев испытала что-то похожее на желание, но настолько неопределенное, что и сама не могла бы ответить, хочет она Сергея или нет. Ей нравилось то, что он всегда рядом, но сильного сексуального влечения она к нему не испытывала. Быть может, это происходило от того, что в их отношениях изначально был задан неверный тон: она воспринимала его лишь как друга и уже позже, как своего покровителя. Хотя все объяснялось, конечно, много проще: она хотела полюбить. А это не одно и то же, что ПОЛЮБИТЬ. Она выдумала любовь, и им обоим понравилась эта игра. Но только играла одна Валентина, Костров же намеревался в ближайшем будущем сделать ей предложение. Однако это обстоятельство не мешало ему изредка встречаться со своими бывшими любовницами.

Однажды, накануне Восьмого марта, он пришел к Валентине с букетом роз. Она встретила его с иголкой в руках, нежная, домашняя, в мужской рубашке из черной фланели и красных шерстяных носках, трогательная и такая сексуальная, что Костров не раздеваясь подошел к ней и крепко сжал в своих объятиях.

– Я хочу тебя, Валя... Давай ляжем, – сказал он, совершенно теряя голову и увлекая ее в комнату, где повалил на диван, скинул с себя пальто и овладел ею, так и не поняв, хотела она близости или нет...

После этого в их отношениях все изменилось. Они как дети начали играть во взрослую игру: мужа и жену. Так, постепенно он почти переехал к ней. Хотя иногда ночевал дома – в большой квартире на Грузинской, куда нередко привозил и Валентину, чтобы она имела представление, где ей предстоит в ближайшем будущем стать полноправной хозяйкой.

Так прошло лето. В августе Сергей сделал Валентине предложение, и она согласилась стать его женой.

Она много работала и копила деньги для создания собственной коллекции. В этом Валентине очень помогал ее отец, Борис Захаров, эмигрант, живший уже более пятнадцати лет

в Париже и приславший с оказией в Москву (чаще всего со своей любовницей Бланш, занимавшейся антиквариатом) отрезки лионских кружев и редкой расцветки ткани стрейч, дорогую органзу и шелк.

О том, что у Валентины отец живет в Париже, Костров узнал только спустя полгода после их знакомства.

– И ты столько времени молчала? – недоумевал он.

– Подумаешь, живет себе и живет. Вот если бы я там жила, тогда да. Хотя отношения у нас прекрасные и он постоянно зовет меня к себе.

– И ты до сих пор здесь? – Он был искренне удивлен.

– У меня мама в Подольске. Не могу же я ее оставить. А из России она никогда не уедет. Уж если с отцом не поехала, то теперь и подавно.

– А почему они разошлись?

– Совершенно разные люди, вот и все.

– А мне кажется, что даже разные люди, если захотят, то всегда найдут что-то общее...

– В смысле?

– Общность интересов и любовь – по-моему, понятия разные.

Они не любили друг друга. Но даже в этом случае они бы могли остаться вместе, если бы захотели.

И Валентина поняла, что он разговаривает сам с собой. Сам себя убеждает на тот случай, если и с ним случится нечто похожее.

– Да, пожалуй, ты прав, – сказала она, думая в этот момент о своем отце и о том, что они-то с мамой как раз и любили друг друга, но жить почему-то вместе не смогли. Загадка.

Он зажег везде свет и лег на диван. Двенадцать часов – Валентины нет. Где же она может быть? Что с ней? Москва кишит маньяками и преступниками. На Валентине два колечка с бриллиантами, золотая цепочка, серьги с изумрудами...

Костров вскочил с дивана, кинулся к телефону и принялся обзванивать больницы...

Глава 3

Лариса Игудина жарила на кухне яичницу, когда в передней раздался звонок. «Это она, – подумала Лариса и задрожала от приятнейшей мысли, что сейчас увидит униженную и растоптанную Анечку Вельде. – Сейчас ОНА мне позавидует. Моей убогости, нищете, но великому спокойствию».

Лариса работала в гостинице горничной. Ее мать всю жизнь была домработницей в семье Вельде, поэтому, будучи еще девочками, Лариса с Аней часто встречались и почти дружили. Только Аня относилась к ней с чувством превосходства, а Лариса питалась собственным презрением к любимой дочке богатых родителей и изо всех сил скрывала свои подлинные чувства. Ее мать иногда выгуливала маленькую Аню и часто приводила в свой двор, от которого было рукой подать до Сокольников, от туда они уже вместе – мама, Аня и Лариса – шли в парк, где девочки вместе играли.

Лариса всю жизнь донашивала вещи Ани, мысленно представляя себя на ее месте. Но когда кончались иллюзии, в душе оставалась пустота и горечь. Лариса бы улыбнулась, если бы узнала, что Аня умерла. И самое ужасное, что эта мысль приходила к ней все чаще и чаще...

И вдруг такая удача. Вчера вечером она увидела мужа Анечки, красавца Невского, в гостинице, где она работала горничной, в обществе красивой рыжеволосой девушки. Они провели ночь вместе. Это был триумф Ларисы, которого она ждала долгие годы.

Анна вошла к ней и прикрыла рукой в черной замшевой перчатке нос от нестерпимого запаха подгоревшей яичницы. Лариса с матерью жила в старом доме на Шаболовке в однокомнатной квартире, которая напоминала бюро находок – так много скопилось в ней совершенно ненужных, бесполезных вещей.

Пахло старым тряпьем, пылью и какой-то затхлостью. Казалось, мать и дочь все свои силы оставляют, убираясь в чужих домах, а на собственное жилье ни желания, ни энергии не остается. «Сапожник без сапог».

– Проходи, – сладким голосом пропела Лариса и предложила гостье войти в большую комнату. Усадила ее в кресло, с которого предварительно смахнула несколько вещей и затолкала ногой под диван.

Анна в ужасе уставилась на нее:

– Ты что это делаешь? Зачем ты запихнула вещи под диван?

– Потом постираю, – как ни в чем не бывало ответила Лариса и села в кресло напротив. – Будешь яичницу? – Анна мотнула головой и чуть не выдала мимикой охватившее ее чувство брезгливости и к яичнице, которой провоняла вся квартира, и к отвратительной квартире и, наконец, к самой Ларисе, которая сидела перед ней в черных замызганных джинсах и линялой футболке. Волосы грязные, забраны в пучок на затылке. Лицо бледное, какое-то болезненное с небольшими отеками. Вокруг глаз припухлости, а губы – две тонкие полоски, – накрашены темно-коричневой блестящей помадой.

Анне вдруг только сейчас пришло в голову, что Лариса наверняка занимается помимо работы горничной еще и проституцией.

От отвращения ее чуть не передернуло. Но она взяла себя в руки:

– Я ничего не поняла из телефонного разговора... Ты сказала, что видела Игоря в какой-то гостинице, значит, он жив? – Она играла в кошки-мышки сама с собой.

В том, что Невский жив, она нисколько не сомневалась. Но слово гостиница – очень емкое. В нем все, начиная от вседозволенности и кончая глубоким пороком. «Поедьте, господа, в номера». Разве это не одно и то же?

– Мне очень неприятно говорить это тебе, Аня, но Невский был там с женщиной. Вот я и подумала, что ты должна об этом знать... Или я ошибаюсь?

Анна встала и подошла к окну. Достала из кармана жакета пачку сигарет «Вог» и закурила. Потом сказала:

– Да, ты совершенно правильно сделала. Но скажи, Лора, ведь ты обрадовалась, когда увидела моего мужа в обществе шлюхи?

Лариса покраснела. Да, Анна была совершенно права. Но зачем вот так откровенно говорить об этом? Однако она приняла ее тон. И ответила:

– Не скрою, я не особо огорчилась.

– А ты бы могла переспать с моим Игорем? – вдруг совершенно неожиданно спросила Анна и резко повернулась к Ларисе. – Ну же, отвечай! Ведь он же тебе нравился, всегда...

– Твой Невский нравится всем женщинам без исключения. Он как Ален Делон. Только не пьет одеколон.

– Скажи, а ты все это не выдумала? – Это была последняя надежда...

– Нет. Я видела, как они завтракают вместе с делегацией психологов. У нас там комплексные завтраки: отварное яйцо, манная каша, макароны с бифштексом...

– Прекрати! Какие макароны, помилосердствуй! Я понимаю, что ты ненавидишь меня, но разве не видишь, что мне плохо...

– Я понимаю. Когда лифтер, с которым я трахалась в кладовке, изменил мне с пятидесятилетней гардеробщицей, я тоже страдала.

– Какая это гостиница, «Турист»?

– Так точно.

– Ты знаешь, в каком они номере остановились? Или уже уехали?

– Нет, я спрашивала у администраторши: они еще там. Вышли, но вещи все оставили.

Анна закрыла лицо руками. В горло как будто затолкали пробку. Вместе со штопором. Так стало трудно дышать.

Она глубоко вздохнула:

– Я не поеду туда, это глупо. Ты сможешь узнать ее имя?

Лариса смотрела на нее, не мигая. Ее цыганские, грубо подведенные глаза смотрели бесстрастно, хотя на самом деле она испытывала жгучее наслаждение при виде этой раздавленной гадины. И ведь ничего-то плохого Анна ей не сделала. Совершенно. Просто жила своей жизнью и не подпускала к себе ее, Ларису. Ходила в музыкальную и на английский, ездила в Германию и Англию, Францию и Голландию, Тунис и Финляндию... Кушала из сервизов с розочками сытную и вкусную еду, приготовленную матерью Ларисы, носила белье, постиранное ею же, ходила по паркету, надраенному домработницей, и одевалась в дорогую красивую одежду. А потом переспала с Невским, почти под носом у гостей, в своей комнате, зная, что в соседней находятся родители... Лариса, которая пришла в тот вечер, чтобы помочь матери прислуживать за столом, подсмотрела в замочную скважину и увидела, чем занимается Анечка Вельде с Невским на кровати... Лариса потом всю ночь не спала, представляла себя на ее месте... А проснулась с головной болью и тошнотой, словно накануне отравилась.

– Могу, конечно, – сказала она. – Мне не трудно.

Анна достала из сумочки десять долларов и протянула Ларисе:

– Если захочешь, сможешь заработать много больше... Главное – не предавай меня. Ведь тебе нужны деньги?

– Конечно. Но только ЭТО – не деньги.

Анна подумала, что мужчины-командировочные, которых Лариса обслуживает в гостинице, вконец испортили ее шальными деньгами.

Она достала еще несколько долларовых бумажек и не глядя положила на стол.

– Я буду ждать тебя вечером у себя. Во сколько ты сможешь прийти?

– Часов в пять.

– Хорошо, – она вздохнула и достала еще одну сигарету.

Раздавила ее в пальцах до рыжего табака, сдунула его с ладони и быстро вышла из квартиры.

Лариса услышала, как хлопнула входная дверь и облегченно вздохнула. Она подошла к окну и вскоре увидела, как из подъезда выбежала Анна, быстро села в изумрудного цвета «Мазду» и выехала со двора.

Лариса долго смотрела ей вслед, пытаясь прислушаться к своей душе, чтобы ощутить в полной мере то удовольствие, которое она предвкушала все эти часы перед встречей, но его не было. Не было никакого удовольствия. Ей почему-то стало жаль Анну. Она собрала деньги со стола и сунула их в карман джинсов. Потом достала свои дешевые сигареты и тоже закурила. Вспомнила Невского. Какое счастливое у него было лицо. Она намеревалась сказать это Анне, но не сказала. Почему? А эта девушка в черном костюме и с желтой сумочкой – красивая, аж дух захватывает. Ей нравилось смотреть на красивых женщин. Лариса находила в этом что-то мазохистское, поскольку сама от природы не обладала красотой. Завидовала чужой красоте и не завидовала одновременно. Пыталась представить жизнь красивой женщины и вот от этого представления голова-то и кружилась: как же много возможностей у красивых людей вообще! У красивых и богатых. У Ларисы же нет ни того ни другого. Она взглянула на часы: пора было возвращаться в гостиницу. Она сняла с себя все, приняла душ, уложила волосы и надела новую красную кружевную сорочку. Сегодня она проведет ночь у одного приезжего коммерсанта, толстого, лысого, противного и к тому же еще извращенца...

Черные чулки с кружевной резинкой, темно-синее платье из плотного шерстяного трикотажа, облегающее ее довольно стройное тело, черные лаковые туфли «Ле Монти». Духи «Мадам Р.»...

Готовая к выходу, она остановилась перед зеркалом в прихожей и взглянула на себя: нет, она никогда не будет такой же элегантной, как та рыжая, что была с Невским. И дело даже не во внешности, а в чем-то другом, внутреннем...

«Если захочешь, сможешь заработать много больше...» Интересно, о чем это она?

После завтрака наваждение не пропало, им захотелось безрассудств и они поехали в центр, нисколько не беспокоясь о том, что их кто-то сможет увидеть вместе.

Страшила-горничная, которую Валентина выловила в коридоре, погладила один из диорровских костюмов, которые они утром нашли на полу, и расхохотались, вспомнив сцену в магазине.

– Красный, – сказал Невский, когда они распаковали большой сверток.

– Красный так красный, – ответила, смеясь, Валентина и закружилась с костюмом в руках по гостиничному номеру.

В окна било утреннее солнце, врвался прохладный влажный воздух с ароматами горячего теста, булочек и мокрых истерзанных листьев, которыми была устлана земля. Хотя, скорее всего, Валентина сама придумала все эти запахи, потому что их номер находился на десятом этаже и вряд ли туда могли залететь эти свидетельства существования реальной жизни вокруг. Однако действительно пахло кофе, возможно, кто-то на этаже растворил его в кипятке, не желая спускаться в ресторан для завтрака.

– Я редко езжу на метро, – сказал Игорь, когда они, прижавшись друг к другу, мчались под землей в вагоне метро.

Свет, тьма, гул в ушах, бесстрастный голос диктора, объявляющего станции...

На Тверской зашли в кондитерскую, взяли печенье, шоколад и сели в скверике на Пушкинской площади. На скамейке, прижавшись друг к другу, томились неизведанным сильным чувством невозможности обладания прямо здесь, посередине Москвы. У Валентины кружилась голова, Невский же вообще не пошел на работу.

– Подожди минутку, мне надо срочно позвонить, – он ушел, а она, оставшись одна, почувствовала себя настолько брошенной и одинокой, что как будто бы только что заметила, что кроме Невского в мире существуют еще люди, которые с равнодушным видом проходят мимо, погруженные в свои мысли, и им нет никакого дела до девушки, сидящей на скамейке в ожидании мужчины.

«А вдруг он не придет?» От этой мысли у нее запылали щеки. Она испугалась, как ребенок, брошенный родителями в городе.

Поэтому, когда она вновь увидела его и поняла, что все это ей не приснилось и что она действительно провела ночь в гостинице с этим мужчиной, сердце ее учащенно забилося. В голове скопилось столько розовой и дурманящей мути, что захотелось ясности, определенности. Валентина уже собиралась сказать что-то Игорю, но он сел рядом с ней, обнял ее и нежно поцеловал в уголки губ.

– Мне как-то не по себе, – сказала она слегка охрипшим от волнения голосом. – А тебе?

– А я позвонил на работу и сказал, что заболел, чтобы начинали обзванивать всех без меня. Пусть собираются, Родиков все решит. У него светлая голова...

– Ты не пойдешь на работу?

– Я не могу. Даже, если бы я туда и пришел, то все равно от меня проку мало. Пойдем? – Он привел ее в Музей революции, где пряталось небольшое уютное кафе с тихой музыкой.

– Ты будешь салат?

– Буду.

– А пирожные?

– Тоже буду...

Они ели, пили, целовались на глазах у буфетчицы, яростно протирающей фужеры, затем снова ели и снова пили, целовались, а потом вышли из музея и пошли слоняться по улицам, то и дело останавливаясь, чтобы посмотреть друг на друга, обняться и так, в обнимку, идти дальше.

В полдень они оказались в Ботаническом саду. Воздух потемнел, небо заволкло тучами, на яркие пожелтевшие деревья словно накинули серый шелковый газ...

Они углубились в какие-то фантастические заросли, где прятались такие же сумасшедшие парочки влюбленных вроде них, и, оказавшись наедине с деревьями и кустами и не слыша человеческих голосов, долго целовались, испытывая друг друга на выносливость.

Когда начался дождь, они успели сесть в троллейбус и доехали до кинотеатра «Гавана», там, едва добежав до дверей, промокли, взяли билеты на последний ряд, как порочные школьники, и когда погас свет, Валентина пересела на колени Невского и сняла с себя жакет...

– Ты не знаешь, о чем был фильм? – спросила она его, когда спустя полтора часа они выходили из зрительного зала, приводя в порядок одежду. У Валентины подкашивались ноги, тело просило отдыха. Она хотела спать.

– Фильм? – рассеянно переспросил Невский. – О тебе, конечно. Особенно хороши были крупные планы...

На них оборачивались, чтобы посмотреть. Невский на ходу застегивал рубашку.

– Сейчас мы где-нибудь пообедаем и вернемся в гостиницу.

– Смотри, какой дождь...

Неподалеку от кинотеатра у Невского жил друг-поэт, который всегда был дома. Игорь сказал об этом Валентине.

– Ты хочешь, чтобы мы переждали дождь у него? Я согласна.

По дороге они купили пиццу, несколько пластиковых коробочек с салатами, сыр и апельсины.

Друг-поэт, волосатое существо с безумными голодными глазами, встретил их с улыбкой. Он оказался не дураком. Они втроем пообедали, потом поэт ушел куда-то («наверно, сочинять стихи под дождем»), а Невский с Валентиной разделась и легли спать.

Обшарпанные обои, колченогие стулья, продавленный диван, грязный стол с остатками еды и прочие атрибуты беспорядочной богемной жизни хронического неудачника – ничто не могло омрачить их любви.

– Чем отличается любовь от страсти? Страсть от похоти? – погружаясь в сладость дремы, спрашивала Валентина, чувствуя дыхание Невского на своей щеке.

– И страсть, и любовь, и похоть – все это прекрасно. Это все едино. Если это не так, то я ничего не понимаю. – Невский лежал с закрытыми глазами и долго еще рассуждал о похоти, пока не уснул. Ему приснился дождь и оранжевые осенние листья, красивые, кленовые, которые летели откуда-то сверху, а потом почему-то превратились в золотые кудри Валентины. Игорь еще ни разу в жизни не был так счастлив.

Лариса записала в блокноте: «Валентина Невская». За такую информацию Аня заплатит ей пятьдесят копеек, не больше. Она такая же Невская, эта рыжая девица, как и Македонская. Но выпытать у администраторши больше ей все равно не удалось: видать, Невский заплатил ей за номер раза в два, а то, может, и три больше.

И Лариса решила войти в ИХ номер. Достала ключи у дежурной по этажу, заговорив ее до смерти, вошла в пустой номер и принялась шарить в поисках чего-нибудь, что могло подсказать ей фамилию Валентины. Но сумочки, разумеется, не было. На простынях, сбитых в большой голубоватый ком, она вдруг увидела странные желтые перчатки. Лариса взяла их и поднесла к носу. Она стояла так довольно долго, наслаждаясь запахом духов, которым были пропитаны эти изящные вещицы. Выглянула в коридор: никого. Вернувшись в номер, она позвонила Вельде:

– Ее имя – Валентина, фамилию она не сказала, – рапортовала Игудина, – в номере я тоже ничего не обнаружила, ни паспорта, ничего... Кроме двух черных костюмов и желтых перчаток – ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.